

СПОСОБЫ ПРОФИЛИРОВАНИЯ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А. П. Сбитнев

Воронежский государственный университет

В статье на материале художественного текста анализируются с разных точек зрения: лексико-семантической, грамматической, изучения переводческих стратегий — разные переводческие решения, реализованные при ревербализации одного и того же оригинала. Изучается влияние гендерной идентичности переводчика на выбор средств именования того или иного референта, а также средств именования одной и той же ситуации. Обобщения результатов многоаспектного анализа позволяют описать способы профилирования сведений о мире в связи с гендерной идентичностью единичного и коллективного субъекта.

В процессе перевода переводчики имеют дело с двумя сложными процессами: с декодированием и кодированием некоторых сведений о мире. Оба этих процесса осуществляются, однако, под влиянием многочисленных разнонаправленных факторов. Поэтому точнее было бы сказать, что переводчик имеет дело с интерпретацией воспринимаемого комплекса сведений, представленных в тексте оригинала, с одной стороны, и с ревербализацией декодированных, т.е. также проинтерпретированных сведений, с другой. Выражаясь иначе, переводчик, будучи субъектом, активен на каждом из этапов своей деятельности и выбирает языковые средства в соответствии с тем, как он осмыслил комплекс сведений, как он их концептуализировал и вербализовал.

При ревербализации комплекса декодированных из какого-либо текста оригинала сведений разные переводчики используют различные языковые средства, преобразуя это содержание в соответствии как со своими индивидуальными представлениями, ценностями и особенностями использования языка, так и с представлениями, ценностями и особенностями использования языка, свойственными лингвокультуре, носителями которой они являются (о диалектике индивидуально-личностных и коллективных особенностей использования языка см. подробнее: [7]). Другими словами, при изучении результата переводческой деятельности целесообразно принимать во внимание сложные противоречиво взаимодействующие связи между личностной и коллективной идентичностью носителей языка и культуры.

Тот факт, что одно и то же содержание может быть выражено разными языковыми формами, когнитивные лингвисты объясняют особенностями категоризации и концептуализации мира в соответствующей языковой культуре [4; 17]. По мнению Е.С. Кубряковой, «для объективации сходного содержания, для описания одного и того же объекта, для отражения одной и той же ситуации в языке существуют, как правило, разные конкурирующие формы. Настаивая на том, что все процессы, явления, события, вещи и признаки могут быть описаны по-разному и с применением разных языковых форм, когнитологи усматривают в этом субъективный характер человеческого восприятия» [9, 313]. Субъективный характер восприятия определяется тем, что «в каждое восприятие входит и воспроизведенный прошлый опыт, и мышление воспринимающего, а также его чувства и эмоции» [13].

По этой причине важно изучить, как особенности личностной идентичности переводчика влияют на результат декодирования сведений из текста оригинала и как названные параметры обуславливают выбор средств вербализации тех или иных сведений о мире. Адекватным сформулированной задаче представляется обращение к анализу соотношения между гендерной идентичностью как части личностной идентичности переводчика (см. об этом подробнее: [7]) и использованием языка для решения различных когнитивных и коммуникативных задач, поскольку переводчик не может не принимать во внимание особенности коллективной идентичности своего потенциального реципиента и, следовательно, не может не учитывать конвенционально используемых языковых средств. Обращение переводчика к тем или иным языковым средствам, будь то конвенциональные

или неконвенциональные, окказиональные, свидетельствует о том, как переводчик концептуализирует и категоризирует декодированные сведения.

Справедливость процитированного выше высказывания Л.С. Рубинштейна можно показать, сравнивая перевод одного и того же произведения художественной литературы — текста из «Белоснежки и Краснозорьки» братьев Гримм — переводчиками с разной гендерной идентичностью: Г. Петниковым и Т. Габбе. Согласно нашей гипотезе, на выбор языковых средств переводчиками для решения определенных когнитивных и коммуникативных задач влияние оказывает также дискурсивный фактор «гендер». Изучая использование этих языковых средств, здесь и далее мы выбирали фрагменты текста, которые, с одной стороны, выражают чувства и эмоции отправителя сообщения: «дают информацию о «я» коммуникативного действия, о фигуре говорящего или пишущего, его коммуникативном поведении и субъективном состоянии» [18], а с другой стороны, направлены на адресата с целью вызвать у него определенную реакцию.

Обратимся к анализу ряда конкретных примеров из текстов произведений немецкой классической литературы.

«*Da rief er in Herzensangst: «Lieber Herr Bär, verschont mich, ich will Euch alle meine Schätze geben, sehet die schönen **Edelsteine**, die da liegen. Schenkt mir das Leben, was habt ihr an mir, kleinen, **schmächtigen** Kerl? Ihr spürt mich nicht zwischen den Zähnen; da, die beiden gottlosen **Mädchen** packt, das sind für Euch zarte **Bissen**, fett, wie junge Wachteln, die frisst in Gottes Namen».*

Перевод Г. Петникова: «*И крикнул карлик в большом страхе: «Дорогой мой сударь медведь, пощади ты меня, я отдам тебе за это все свои сокровища! Погляди на эти прекрасные драгоценные **камни**, что лежат перед тобой. Не убивай меня! Что пользы тебе от такого маленького, **щуплого** человечка? Да ты меня на зубах и не почувствуешь; съешь лучше вот этих двух злых **девочек**; они будут для тебя лакомым **куском**, они жирны, как молодые перепелки, съешь их во славу Господню!».*

Перевод Т. Габбе: «*Тогда, дрожа от ужаса, он запищал: «Дорогой господин медведь, пощадите меня! Я отдам вам все свои сокровища! Взгляните **хоть** на те прекрасные **камешки**, что лежат перед Вами... **Только** подарите мне жизнь! **Ну** на что я вам, такой маленький и **щупленький**? Вы **даже** не почувствуете меня на зубах. Возьмите лучше этих*

*скверных **девчонок!** Вот это будет для Вас лакомый **кусочек**. Вы же сами видите, что они жирнее молодых перепелок. Съешьте их обоих на здоровье!..».*

При сравнении переводов Т. Габбе и Г. Петникова обращает на себя внимание, во-первых, большее количество частиц, которые используются Т. Габбе для того, чтобы передать самые разнообразные оттенки эмоционального состояния отправителя сообщения — карлика. Так, частица *только* служит для экспрессивного подчеркивания действия *подарите* и таким образом для усиления убедительности просьбы и выражения взволнованного состояния адресанта карлика, который перепуган до смерти (здесь и далее семантика частиц по: [10]). Частицей *ну* Т. Габбе вносит в высказывание карлика дополнительный оттенок удивления, недоумения: ведь он не представляет собой ничего особенного, чтобы быть объектом преследования господина медведя. Частицей *вот* открывается новое предложение, и следующий отрезок речевого высказывания *это будет для вас лакомый кусочек* выделяется как существенно важный, заслуживающий того, чтобы на него переключилось внимание медведя. Частица *даже* употребляется при сообщении о том, что противоречит ожидаемому: *даже не почувствуете меня на зубах*. Таким образом, дополнительно используя в переводе различные частицы, Т. Габбе усиливает выражение эмоционального состояния взволнованности, страха адресанта сообщения карлика по сравнению с изображением его образа в оригинале и переводе Г. Петникова.

Во-вторых, в переводе Т. Габбе используются лексические единицы, суффиксальное словообразование которых служит для выражения различных коннотативных оттенков значения: уменьшительного и уменьшительно-ласкательного (камешки, щупленький, кусочек), пренебрежительного (девчонки). Ср.: у Г. Петникова и в оригинале это слова с нейтральной коннотацией: *камни, щуплый, кусок, девочки* [10], *Edelsteine, schmächtig, Bissen, Mädchen* [19]. При этом нужно отметить, что Т. Габбе использует в переводе конвенциональные формы: *лакомый кусочек, маленький, щупленький, девчонки*, более соответствующие ожиданиям читателя.

Изучение нескольких переводов одного и того же текста показывает, что выбор языковых средств оказывается действительно чувствительным к фактору «гендер», ср. результаты анализа выше с описанием аналогичных явлений в случаях, когда личностные особенности переводчика иные. Сравнение текста из «Карлика Носа» с его переводами

С. Аптом и И. Татариновой, а также обоих переводов между собой показывает, что ситуация осмысливается по-разному субъектами с разной гендерной идентичностью. Так, И. Татаринова, в отличие от оригинала и перевода С. Апта, использует в переводе частицы *вот так*, которые, открывая предложение, служат выделению абстрактного существительного *чудо*. На нем должно акцентироваться внимание адресата сообщения гусыни Мими. Эти частицы усиливают чувство радости отправителя сообщения Карлика Носа по поводу того, что найдено чудодейственное средство, которое превратит гнусного уродца в человека. Они придают его высказыванию особую экспрессивность.

«*Welches Wunder! Wisse, ich glaube, es ist dasselbe Kraut, das mich aus einem Eichhörnchen in diese schändliche Gestalt umwandelte; soll ich den Versuch machen?*».

Перевод С. Апта: «*Какое чудо! Знаешь, я думаю, это та самая трава, что превратила меня из белки в этого гнусного уродца. Не попытаться ли мне счастья?*».

Перевод И. Татариновой: «*Вот так чудо! Знай же, я думаю, это та самая трава, что превратила меня из белки в этого гнусного уродца. Не попытаться ли мне счастья?*».

В отличие от текста оригинала и перевода С. Апта И. Татаринова использует частицы *ну, же*, которые в сочетании с прилагательным *большой* выражают удивление, восхищение отравителя сообщения гусыни Мими по поводу превращения карлика в человека. Они усиливают экспрессивность этого высказывания.

«*Ha! Was du groß, was du schön bist!*» — *rief sie*».

Перевод С. Апта: «*Ба! Какой ты рослый, какой красивый!*» — *воскликнула она*».

Перевод И. Татариновой: «*Ну и большой же ты, ну и красивый!*» — *воскликнула она*».

Наше исследование показывает, что частотность применения частиц у женщины-переводчика выше, чем у мужчины-переводчика (см. об этом подробнее [14]). Об этом говорит приведенная ниже количественная характеристика частиц, используемых при переводе переводчиками с различной гендерной идентичностью; количественные данные относительно использования частиц относятся ко всему эмпирическому материалу, приводимые выдержки служат лишь иллюстрацией сказанному (см. таблицу 1).

Наше исследование показывает, что переводчики, выражая субъективное состояние адресанта

сообщения, используют большее количество частиц по сравнению с немецким оригиналом; частотность применения частиц при ревербализации одного и того же содержания выше у женщин-переводчиков по сравнению с мужчинами-переводчиками. Таким образом, очевидно, что сопоставление разных переводов одного и того же текста может дать сведения об особенностях концептуализации сведений о мире коллективным субъектом как носителем определенной культурной идентичности.

Использование частиц позволяет достичь определенной прагматической цели, оказать влияние на адресата сообщения. С помощью частиц эксплицируется потенциал оценочного высказывания: истинность/ошибочность, достоверность/недостоверность, согласие, несогласие, осуждение, неодобрение, принятие, сомнение, уверенность, неуверенность, удивление, стремление к смягчению высказывания и др., так как оно выражает «мысли, чувства, отношение говорящего к внешнему миру» [11, 45].

Частицы позволяют по-разному профилировать сведения об одном и том же фрагменте мира. С помощью частиц акцентируется внимание на том или ином референте ситуации в зависимости от его значимости для осуществления коммуникации: деятеле, действии, объекте действия, времени или месте действия — или на ситуации в целом.

Наши выводы о гендерных особенностях использования частиц согласуются с данными других исследователей. Так, тенденция более частого употребления частиц у женщин по сравнению с мужчинами в русском языке отмечалась Т. Б. Крючковой [8]. Исследовательница обратила внимание на различия в частотности использования частей речи мужчиной и женщиной в произведениях художественной прозы и публицистических текстах на материале русского языка. У мужчин по сравнению с женщинами наблюдается тенденция более частого употребления существительных и прилагательных, женщины употребляют больше глаголов, наречий, местоимений и частиц [там же, 196—199]. Изучая особенности мужской и женской письменной речи, Е. И. Горошко в экспериментальном исследовании установила идентификационные признаки мужского и женского стиля письма [5, 46]. Исследовательницей было зарегистрировано гораздо меньшее количество частиц в речи мужчин, чем у женщин. Соответственно, эмоциональных и сенсорных оценок в речи мужчин было меньше, чем у женщин [там же]. Изучая языковые и речевые

Сравнительный анализ оригинального и переводного текста

Оригинальный текст	Текст перевода мужчиной-переводчиком Количество дополнительно используемых по сравнению с оригиналом частиц	Текст перевода женщиной-переводчиком Количество дополнительно используемых по сравнению с оригиналом частиц
<p>«König Drosselbart» «<i>Da sprach der Mann: «Frau, so geht,s nicht länger, daß wir hier zehren und nichts verdienen. Du sollst Körbe flechten».</i>»</p>	<p>Перевод Г. Петникова «<i>Тогда муж говорит: «Жена, так у нас ничего не получится, мы вот едим, а ничего не зарабатываем. Принимайся-ка ты за плетение корзин».</i>»</p> <p>Частицей <i>-ка</i> Г. Петников смягчает побуждение к действию.</p> <p>Всего 11 частиц</p>	<p>Перевод Т. Габбе «<i>Ну, жена,- сказал он, - хорошенького понемножку. Это безделье не доведет нас до добра. Мы с тобой только проедаем, а зарабатывать ничего не зарабатываем. Начни-ка ты хоть корзинки плести, что ли...».</i>»</p> <p>Частицей <i>только</i> Т. Габбе выражает количественное ограничение действий, частицей <i>хоть</i> — количественное ограничение объектов действия, частицей <i>что ли</i> — неуверенность отправителя сообщения.</p> <p>Всего 27 частиц</p>
<p>«Schneeweißchen und Rosenrot» «<i>Der Bär aber fing an zu sprechen und sagte: «Fürchtet euch nicht, ich tue euch nichts zuleid, ich bin halb erfroren und will mich nur ein wenig bei euch wärmen».</i>»</p>	<p>Перевод Г.Петникова «<i>Но медведь вдруг заговорил и сказал: «Не бойтесь, я вас не трону, я очень озяб и хочу у вас немного отогреться».</i>»</p> <p>Всего 19 частиц</p>	<p>Перевод Т.Габбе «<i>Медведь посмотрел на них и сказал человеческим голосом: «Не бойтесь, я не сделаю вам никакого зла. Я просто очень озяб и хотел бы хоть немного обогреться у вас».</i>»</p> <p>Частицей <i>просто</i> Т. Габбе усиливает состояние <i>озяб</i>, частицей <i>хоть</i> — ограничивает признак действия <i>немного</i>.</p> <p>Всего 31 частица</p>
<p>«Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich» «<i>Warte, warte, — rief der Frosch, — nimm mich mit, ich kann nicht so laufen wie du».</i>»</p>	<p>Перевод Г. Петникова «<i>Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться».</i>»</p> <p>Всего 5 частиц</p>	<p>Перевод Т. Габбе «<i>Постой! Постой! — крикнул лягушонок ей вслед. — Возьми же меня с собой. Я не могу бегать так быстро, как ты».</i>»</p> <p>Частицей <i>же</i> Т. Габбе акцентирует фокус внимания на действии.</p> <p>Всего 18 частиц</p>
<p>«Die goldene Gans» «<i>Sowie du aber damit angesegelt kommst, — sagte er, — so sollst du gleich meine Tochter zur Gemahlin haben».</i>»</p>	<p>Перевод Г. Петникова «<i>Как только ты на том корабле ко мне подплывешь, — сказал он Гансу, — тотчас получишь дочь мою в жены».</i>»</p> <p>Всего 11 частиц</p>	<p>Перевод С. Прокофьевой «<i>Если подплывешь ко мне на этом корабле, тотчас же получишь дочь мою в жены».</i>»</p> <p>Частицей <i>же</i> С. Прокофьева акцентирует внимание на признаке действия <i>тотчас</i>.</p> <p>Всего 10 частиц</p>
<p>«Das kalte Herz» «<i>... du bist nicht der Mann dazu, der einem das Herz so unbemerkt ohne Gefahr aus der Brust reißen könnte, da müßtest du zaubern können».</i>»</p>	<p>Перевод С. Апта «<i>Не тот ты человек, чтобы так незаметно и безопасно вынимать сердца из груди! Для этого тебе нужно было бы уметь колдовать».</i>»</p> <p>Всего 24 частицы</p>	<p>Перевод С. Шлапоберской «<i>Где уж тебе вынуть у человека сердце из груди, да еще так, чтобы он ничего не почувствовал, для этого надо быть волшебником».</i>»</p> <p>С помощью сочетания частиц <i>где уж</i> С. Шлапоберская добавочно вносит чувство сомнения, недоверия в субъективное состояние адресанта сообщения.</p> <p>Всего 52 частицы</p>

Сравнительный анализ оригинального и переводного текста

<p>«Kalif Storch» «Sag, was drinsteht, — befahl der Kalif, — wenn es Lateinisch ist».</p>	<p>Перевод С. Апта «Скажи, что там написано, — приказал калиф, — если это по-латыни».</p> <p>Всего 5 частиц</p>	<p>Перевод А. Любарской «Что ж, по-латыни так по-латыни, — милостиво сказал калиф. — Говори, что там написано». Частицей <i>что ж</i> А. Любарская выражает вынужденное согласие адресанта сообщения. Всего 6 частиц Перевод Н. Касаткиной «Скажи же, что там написано, — приказал калиф, — раз это по-латыни». Частицей <i>же</i> Н. Касаткина акцентирует фокус внимания на действии. Всего 12 частиц</p>
<p>«Die Geschichte von dem kleinen Muck» «Ah, ein seltener Bissen, — sagte er, — der Ihre Majestät behagen wird. Was willst du für den ganzen Korb».</p>	<p>Перевод С. Апта «Ба, редкое лакомство, — сказал он, — которое наверняка доставит удовольствие его величеству».</p> <p>Всего 9 частиц</p> <p>Перевод М. Салье «Ага, — сказал он, — вот подходящее лакомство для короля! — Сколько ты хочешь за всю корзину?». Частицей <i>вот</i> М. Салье акцентирует фокус внимания на объекте высказывания. Всего 5 частиц</p>	<p>Перевод Н. Касаткиной «Ого, лакомое блюдо, — сказал он, — его величеству оно, уж конечно, придется по вкусу: сколько хочешь за всю корзину?». Частицей <i>уж</i> Н. Касаткина выражает уверенность в истинности высказывания.</p> <p>Всего 10 частиц</p>
<p>«Die Geschichte von der abgehauenen Hand» «Ich bedarf Eurer Hilfe als Arzt; doch nicht für einen Lebenden, sondern für einen Toten».</p>	<p>Перевод С. Апта «Мне нужна Ваша врачебная помощь, но не для живого, а для умершего».</p> <p>Всего 7 частиц</p>	<p>«Мне нужна <i>Ваша</i> помощь как врача, но только не для живого, а для мертвца». Частицей <i>только</i> Н. Касаткина выражает ограничение для объекта высказывания. Всего 8 частиц</p>

механизмы создания экспрессивности в политическом дискурсе ФРГ, С. К. Табурова выявила, что женщины чаще мужчин употребляют реплики эмоциональной оценки и аффективы — слова, включающие только семы эмоциональности [16].

Различия в профилировании информации в тексте оригинала и тексте перевода могут быть вызваны различной категоризацией и концептуализацией сведений о мире. Рассматривая взаимоотношение категорий и концептов, в структуре категории можно выделить иерархическую систему уровней, в которой наблюдаются гиперо-гипо-

нимические отношения. Так, выделяют базовый уровень в классификации слов, над ним находится уровень с наиболее общими, абстрактными именами категории, а на нижележащем уровне — самые конкретные представители данной категории. При этом каждому уровню категории соответствуют свои концепты, которые объединяют функциональные характеристики объектов [6].

Система уровней категории в когнитивной лингвистике пересекается с понятиями межъязыковой гиперонимии и гипонимии, которая была введена в переводоведение В. С. Виноградовым [3,

75]. Под межъязыковой гипонимией он понимает отношения слов одного языка, называющих родовые понятия, к словам другого языка, обозначающим видовые понятия, а под межъязыковой гиперонимией соотношение лексических единиц, выражающих родовые понятия, со словами, передающими родовые понятия. В. С. Виноградов проводит параллели с формальной логикой, где такие отношения между понятиями называют отношением подчинения или субординации. В них содержание подчиняющего понятия является частью содержания подчиненного. При отношении субординации объем понятий (все предметы и явления, к которым применимо данное понятие) и содержание понятий (совокупность существенных признаков предметов, явлений, охватываемых понятием) находятся в обратном отношении: подчиняющее понятие шире по объему, но уже по содержанию, а подчиненное понятие меньше по объему и больше по содержанию [там же].

Изучая взаимоотношения гиперо-гипонимической концептуальной и семантической связи, В. Б. Гольдберг опирается на принятую в лингвистике модель семантических отношений [4, 147—148]. Семный состав одного слова включает семему другого слова и конкретизирующие ее дифференциальные семы графически в виде иерархии. Включенный элемент, имеющий меньший набор сем, занимает верхний ярус иерархии. Включающий элемент, имеющий больший набор сем, занимает нижний — подчиненный ярус иерархии.

Аналогичным образом она показывает участие концептуальных нелексикализованных элементов в иерархической модели. Элемент, имеющий более простое метаязыковое описание, занимает верхний ярус; элемент, имеющий более сложное метаязыковое описание первого элемента, занимает подчиненный ярус.

Соотнося на основе межуровневой связи элементы языкового и концептуального уровней идеополя, В. Б. Гольдберг приходит к выводу, что гиперо-гипонимическая семантическая связь является сигналом гиперо-гипонимической концептуальной связи. В ее реализации принимают участие нелексикализованные и лексикализованные элементы концептосферы. Таким образом, исследование В. Б. Гольдберг доказывает, что различия в концептуализации действительности, различные отношения между концептуальными признаками объективируются в семантических связях между лексическими элементами.

Совокупность категоризованных, обработанных в сознании народа концептов культурно спе-

цифична, она образует «национальную концептосферу», которая выражается в семантическом пространстве языка и будет отличаться от языка к языку. Изучая использование языка в качестве культурного кода в различных культурах, Л.И. Гришаева отмечает различия в функциональной нагруженности элементов языковой системы, сфере их функционирования, в структуре языка в целом, в системе отношений между элементами внутри языковой системы [7, 187].

Материал о различной категоризации и концептуализации одинакового комплекса сведений в разных культурах дает нам сравнение «Холодного сердца» В. Гауфа с его переводом С. Шлапоберской. Для анализа мы отобрали оригинальные микротексты с глаголами движения и их перевод переводчиками с разной гендерной идентичностью (см. таблицу 2).

Анализ средств обозначения ситуаций в оригинальном произведении и их переводов показывает, что С. Шлапоберская конкретизирует в переводе широкозначную лексическую единицу *gehen*. Она переводит ее глаголами, семантическая структура лексемы которых, наряду с семами немецкого глагола *sich in aufrechter Haltung auf den Füßen fortbewegen* [19], содержит семы, характеризующие скорость перемещения — *бредет, плетется*, направление перемещения — *отправиться, возвратиться* [10]. Глагол *laufen* — *sich schnell vorwärtsbewegen* [19] переводится глаголами, содержащими семы с очень большой интенсивностью движения — *помчался, понесся, устремился* [10]. В приведенных выше примерах понятия, выражаемые немецкими глаголами, шире по объему, но уже по содержанию, их русские эквиваленты уже по объему, но больше по содержанию. При этом немецкий и русский глаголы находятся в родо-видовых гиперо-гипонимических отношениях. Перевод широкозначных немецких глаголов свидетельствует о различной концептуализации одного и того же процесса в языке оригинала и языке перевода. В переводе, как и в оригинале, они подводятся под одну и ту же категорию движения, но в отличие от оригинала выражают концепты, находящиеся на нижнем — подчиненном уровне иерархии этой категории. Более конкретные глаголы движения, применяемые при переводе С. Шлапоберской по сравнению с оригиналом, придают повествованию особую экспрессивность. Их выбор в большой степени отвечает конвенциям использования языковых средств в русской культуре, так как к национальным особенностям русской сказки многие

Выбор средств именованя одного референта переводчиками с разной гендерной идентичностью

«Das kalte Herz»	Перевод С. Апта	Перевод С. Шлапоберской
«Ihre Freude ist, auf ihrem Holz die Ströme hinabzufahren, ihr Leid, am Ufer wieder heraufzuwandeln » heraufzuwandeln	«Радость для них — это гнать свои плоты вниз по реке, тоска — это возвращаться берегом» возвращаться	«Спускаться на плотах по течению рек для них истинная радость, возвращаться по берегу пешком — истинная мука» возвращаться пешком
«Und wenn Peter Munk, rein gewaschen und geputzt, in des Vaters Ehrenwams mit silbernen Knöpfen und mit mit nagelneuen roten Strümpfen erscheint , und wenn dann einer hinter mir hergeht und denkt, wer ist wohl der schlanke Bursche? und lobt bei sich die Strümpfe und meinen staatlichen Gang — sieh, wenn er vorübergeht und schaut sich um, sagt er gewiß: «Ach, es ist nur der Kohlenmunk-Peter» erscheint	«А если Петер Мунк, чисто вымытый и принарядившись, выйдет в отцовской парадной куртке с серебряными пуговицами и новых-преновых красных чулках и кто-нибудь, увязавшись за мной, подумает: «Кто этот стройный парень?» — и про себя похвалит мои чулки и мою осанку, то, пройдя мимо и оглянувшись, он наверняка скажет: «Ах, да это же всего-навсего Петер — сын угольщика» выйдет	«И вот появится Петер Мунк, добела отмытый, нарядный, в отцовской праздничной куртке с серебряными пуговицами и в новехоньких красных чулках — и что же? Пойдет за мной кто-нибудь следом, подумает сперва: «Что за ладный парень!» похвалит про себя и чулки, и молодецкую статью, но едва лишь обгонит меня и заглянет в лицо, сразу и скажет: «Ах, да это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!» появится
«Er ging in die Hütte, holte seinen Hut und den langen Stock, nahm Abschied von den Bewohnern der Hütte und trat seinen Rückweg nach dem Tannenbühl an» ging	«Он пошел в хижину, взял свою шляпу и посох, попрощался с жильцами хижины и направился обратно к пригорку» пошел	«Он возвратился в дом, взял шляпу и посох и попрощался с хозяевами и отправился опять на Еловый Бугор» возвратился
«Da trat ein riesengroßer Mann in Flözerkleidung und eine Stange so lang wie ein Mastbaum in der Hand hinter den Tannen hervor » trat hervor	«Тут из-за елей вышел великан в одежде плотогона с длинным, как мачта, багром в рук» вышел	«Тут из-за деревьев выступил огромный детина в одежде плотовщика, держа в руке багор длиной с корабельную мачт» выступил (=отделившись, вышел, выдался вперед)
«Eines Abends ging er auch wieder vom Wirtshaus heim und dachte trotz des vielen Weines, den er getrunken, um sich fröhlich zu machen, mit Schrecken und Gram an den Verfall seines Vermögens» ging heim	«Однажды вечером он возвращался домой из трактира и, несмотря на большое количество вина, выпитого им, чтобы развеселиться, с ужасом и тоской думал о своем разорении» возвращался домой	«Однажды вечером он плелся домой из трактира и, хотя немало выпил, чтобы развеять печаль, все же с тоской и страхом думал о предстоящем ему разорении» плелся домой (=шел медленно, вялой походкой)
«Aber er riß sich los und lief weiter bis an die Grenze, die er sich früher wohl gemerkt hatte» lief weiter	«Но он вырвался, побежал дальше и добежал до границы, которую прежде приметил» побежал дальше	«Но он вырвался и понесся дальше , до той самой границы, которую хорошенько заприметил» понесся дальше (=двигался вперед с большой скоростью)
«Er lief dem Tannenbühl zu , so schnell, als ob die Gerichtsdiener ihm auf den Felsen wären» lief zu	«Он побежал к пригорку, побежал так быстро, словно судебные исполнители гнались за ним по пятам» побежал	«И он помчался к Еловому Бугру, да с такой быстротой, словно судебные приставы гнались за ним по пятам» помчался (=очень быстро побежал)
«Hat es dir im Magen weh getan, als der Amtmann kam , dich aus dem Haus zu werfen» kam	«Разве были у тебя колики в животе, когда пришел окружной начальник, чтобы выбросить тебя из дома» пришел	«Разве у тебя были рези в животе, когда явился окружной начальник, чтобы выкинуть тебя из дому?» явился

«Das kalte Herz»	Перевод С. Апта	Перевод С. Шлапоберской
« <i>Er fuhr zwei Jahre in der Welt umher und schaute aus seinem wagen links und rechts, wenn er anhielt, nichts als den Schild seines Wirtshauses an, lief dann in der Stadt umher und ließ sich die schönsten Sehenswürdigkeiten zeigen</i> » fuhr umher	« <i>Два года он разъезжал по свету и глядел из своей кареты на дома, что мелькали слева и справа, а останавливаясь, глядел только на вывеску своей гостиницы, затем обходил город и осматривал главные достопримечательности</i> » разъезжал	« <i>Два года колесил он по свету, глядел из окна кареты направо и налево, скользил взглядом по домам, мимо которых проезжал, а когда делал остановку, замечал лишь вывеску своей гостиницы, потом бегал по городу, где ему показывали разные достопримечательности.</i> колесил (=много ездил, разъезжал по разным направлениям)
« <i>Da kommt ein altes Männlein des Weges daher, das trägt einen großen, schweren Sack, und sie hört es schon von weitem keuchen</i> » kommt daher	« <i>И вот идет по дороге какой-то старичок с большим тяжелым мешком, и она уже издали слышит, как он кряхтит</i> » идет	« <i>И тут она видит, что бредет по дороге дряхлый старичок, сгибаясь под тяжестью большого мешка — ей даже издали было слышно, как он кряхтит.</i> бредет (=идет тихо, с трудом)
« <i>Da rauschte auf einmal ein ungeheurer Auerhahn nieder, packte den Kopf der Schlange mit dem Schnabel, erhob sich mit ihr in die Lüfte</i> » erhob sich	« <i>Вдруг откуда-то, шелестя крыльями, слетел огромный глухарь, он схватил голову змеи клювом, поднялся с нею в воздух</i> » поднялся	« <i>Вдруг раздался шум крыльев, и откуда-то слетел огромный глухарь, он схватил голову змеи клювом и взмыл с нею в воздух.</i> взмыл (=высоко взлетел)
« <i>Dann stand er langsam auf und ging hinter die Tannen</i> » ging	« <i>Затем он медленно встал и ушел за ели</i> » ушел	« <i>Потом он неторопливо встал и скрылся в ельнике</i> » скрылся (=незаметно ушел)
« <i>Peter aber fürchtete sich, und es wurde ihm ganz unheimlich zumut, er rannte zur Kammer und zum Haus hinaus</i> » rannte hinaus	« <i>Петер испугался, ему стало жутко, он выбежал из комнаты и из дома</i> » выбежал	« <i>Петер испугался, его охватил ужас, и он бросился прочь из комнаты, прочь из дома.</i> бросился прочь (=быстро устремился)

исследователи относят ее затейливый, прикрашенный характер [2; 1; 12].

Сравнение переводов предложений с глаголами движения С. Апта и С. Шлапоберской свидетельствует о том, что один и тот же процесс действительности обозначается с разной степенью детализации переводчиками с различной гендерной идентичностью. С. Апт, в отличие от С. Шлапоберской, использует в переводе более широкозначные лексические единицы, семантическая структура которых не содержит дифференцирующих сем направления движения, его скорости. Эти языковые средства ближе, чем в переводе С. Шлапоберской, к содержанию оригинала, но они в меньшей степени отвечают конвенциям, соответствующим ожиданиям читателя русской сказки.

Таким образом, проведенный анализ показал, что выбор языковых средств действительно чувствителен к фактору «гендерная идентичность субъекта». При этом при теоретическом осмыслении результатов соответствующих исследова-

ний важно учитывать диалектику коллективной и личностной идентичности переводчиков как интерпретаторов сведений о мире и как адресантов, выбирающих средства вербализации информации. Учет этой диалектики позволяет также объяснить решение конкретного переводчика в пользу либо конвенционального или неконвенционального языкового средства, либо первичного или вторичного способа обозначения того или иного элемента внеязыковой действительности.

Представители одной лингвокультуры, обладающие одной и той же культурной идентичностью, являются, однако, носителями разной личностной идентичности. Поэтому при решении сходных когнитивных и коммуникативных задач они должны выбирать из совокупности изофункциональных языковых средств те единицы, которые представляются им максимально адекватными в соответствии с тем, как концептуализированы и категоризованы декодированные из текста оригинала сведения о мире [6].

Этим и объясняется тот факт, что разные переводчики избирают языковые средства из одной понятийной сферы, т.е. изофункциональные, но обнаруживающие порой существенные различия лексико-семантического, стилистического, грамматического характера.

Поскольку комплексы информации, представленный как оригинальный текст и как тексты перевода, не идентичны, прежде всего, с точки зрения его воздействия на соответствующего реципиента, это может свидетельствовать о различиях в профилировании комплекса сведений разными субъектами как носителями личностной и коллективной идентичности.

Подводя итог наблюдениям, следует подчеркнуть еще раз, что выбор средств вербализации соответствующего комплекса сведений определяется рядом факторов, среди которых важно упомянуть, прежде всего, особенности концептуализации и категоризации сведений о мире, свойственные определенной культуре, конвенции использования языковых средств в соответствующей культуре, регулирующие функционирование языковых средств, а также влияние дискурсивного фактора «гендер», обуславливающего предпочтение одного из изофункциональных языковых средств как средства решения определенных номинативных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.П. Русская народная сказка / В. П. Аникин. — М.: Художественная литература, 1984. — 176 с.
2. Афанасьева А.С. Язык русских волшебных сказок, изучаемых в средней школе. / А. С. Афанасьева. // Язык жанров русского фольклора. — Петрозаводск, 1983. — С. 115—121.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов — М., 2001. — 224 с.
4. Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантической системе языка / В.Б. Гольдберг. — Дис. ... докт. фил. наук. — Воронеж, 2000. — 380 с.
5. Горюшко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма. / Е. И. Горюшко / Гендерный фактор в языке и коммуникации. — Вып. 446. — М., 1999. — С. 44—60.
6. Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения / Л. И. Гришаева. — Воронеж: ВГУ, 1998. — 272 с.

7. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. / Л. И. Гришаева. — Воронеж: ВГУ, 2007. — 262 с.

8. Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной. / Т. Б. Крючкова. // Проблемы психолингвистики. — М., 1975. — С. 186—200.

9. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Язык и восприятие. / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М, 2001.

11. Приходько А.И. Когнитивно-прагматический аспект перевода оценочного высказывания. / А. И. Приходько. // Социокультурные проблемы перевода. — Воронеж, 2006. — С. 44—49.

12. Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. / И. А. Разумова. — Петрозаводск, 1991. — 153 с.

13. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. / Л. С. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2001.

14. Сбитнев А.П. Гендер как вероятный фактор влияния на степень детализации в перевод. / А. П. Сбитнев // Социокультурные проблемы перевода. — Воронеж, 2006. — С. 351—361.

15. Собинникова В.И. Чужая речь и способы ее введения в языке южнорусских сказок. / В. И. Собинникова // Язык жанров русского фольклора. — Петрозаводск, 1983. — С. 5—14.

16. Табурова С.К. Механизмы создания экспрессивности в репликах мужчин и женщин — депутатов Бундестага / С. К. Табурова. // Гендерный фактор в языке и коммуникации. — М.: МГЛУ. — Вып. 446. — М., 1999. — С. 93—107.

17. Топорова В.М. Национальное своеобразие выражения концепта *форма* в русском и немецком языках / В.М. Топорова. // Язык и национальное сознание. — Воронеж, 2002. — С. 63—75.

18. Якобсон Р. Internet. Multilingual Portal.

19. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. — Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1985.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- Гримм В. и Я. Самые красивые сказки. — М.: Махаон, 2004. — 110 с.
- Гофман Э.Т.А., Гауф В. Сказки. — М.: Дрофа-Плюс, 2004. — 512 с.
- Grimm J., W. Kinder-und Hausmärchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1965 — 788 s.
- Hauff, W. Deutsche romantische Märchen. — Moskau: Verlag Progress, 1980. — 471 s.